***

Я запомнил все ваши лица, и от этого стало тошно.
У меня в груди билась птица,
птица кричала истошно.
Вылететь тварь старалась,
а однажды взяла и сдохла.
В диафрагму крылом упираясь,
гнила в груди и сохла.
И дышать как-то стало сложно,
и харкался чужой кровью.
Ну разве такое возможно? –
Боль убивать болью!
На почтовый пришла похоронка.
Почерком серой власти
нацарапано было тонко:
«Птицу твою звали Счастье».

***

Потому что слезе не вскарабкаться по щеке,
и не пустятся вспять стрелки всех циферблатов мира,
я запомнил количество вен на твоей руке,
перечёркнутых лезвием. Время – моя могила.

Мы останемся в вечности, выстрелив дробью дня.
Чтобы прошлого ждать, мне не хватит умом рехнуться.
Бесконечность не кончится, знаю. Но кончусь я,
потому что мне тяжко желать не с тобой проснуться,

потому что мне тяжко: мечтать не тебя найти,
парашют запасной (тот, который не смог раскрыться),
чтоб случайно пристёгнут не был на моей груди.
Уходи, исчезай, растворись, перестань мне сниться!

Это мокрое счастье. Забудь! И живи для него.
Только изредка в сеть «220» включай колонку,
чтоб тебе от меня не осталось уже ничего,
кроме голоса, мною записанного на плёнку.

***

Береги свои слёзы, фотки,
хрупкий мир в картонной коробке,
фразы, сказанные так робко,
ощущения, мысли, сны.

Будь собой. В этом ты прекрасна.
Ежесуточно, ежечасно
помни, будто бы безучастно,
запах глухонемой весны.

Не меняй никогда дорогу,
цвет волос и стремление к Богу.
И когда-нибудь на пороге
снова встретишь мечту свою.

И храни в сердце веру в чудо.
Я же мысленно рядом буду.
Я за всё тебя, жив покуда,
бесконечно благодарю.

* * *

В медпункте детской школы-интерната
в который раз кончаются бинты.
Кричат и матерятся адвокаты,
кидая конопатые понты.

Медсёстры утирают наши раны,
а к джинсам прилипает эта грязь.
За пазухой мы держим по капкану,
ехидно улыбаясь и смеясь.

Мы заново попали в эти сети.
Отлично! Замечательно! The best!
Мы в этом сне беспомощные дети,
а школа – наш загаженный подъезд.

Стучит его отравленное сердце,
першит и задыхается вконец.
И каждый день он открывает дверцу
для будущих отравленных сердец.

***

В тёмном, до боли знакомом подъезде
мы говорили с тобой о любви.
Точно на коммунистическом съезде,
ты мне с трибуны читала стихи.

А в подворотне с глазами из холода
next-поколение плавилось оловом.
Дети пинали дохлого голубя.
Как это здорово, как это здорово!

***

И поэтому улыбайся.
Будь бессовестно непохожей,
в рваных легинсах, с бледной кожей.
Будто всем на тебя плевать.

И поэтому просыпайся.
Меня, как и тебя, достало,
меж коленей сжав одеяло,
в одиночестве засыпать.

И поэтому раздевайся.
Ползи в ванну по коридору,
соскребай с зубов кальций с фтором,
вздор и глупость вчерашних фраз.

И поэтому напивайся.
Сердце стынет под синтепоном.
Смело прыгай в проём оконный.
Я так делал уже не раз.

И поэтому разрывайся.
Головастик орёт в кондоме,
словно в обледеневшем доме
разбиваются зеркала.

И поэтому не пытайся.
Грустный пастырь трясёт кадилом,
даже если ещё не родилась,
даже если уже умерла.

И поэтому улыбайся.
Ныне. Присно. Я заклинаю!
Та, которую я не знаю.
Та, что станет грехом моим.

И поэтому обнуляйся.
Капля крови из носа брызнет.
В следующей иль прошлой жизни
обязательно повторим!

Дневник нерождённого ребёнка

Вечер, шестое июля.
Маму зовут Юля.
Дико сердца стучали –
так вот меня зачали.

Август, второе число.
Как всё же мне повезло!
Тут так тепло и свободно,
мама пьяна сегодня.

Вот и приходит осень,
папа узнал и бросил.
С мамой вдвоём остались,
органы сформировались.

Октябрь, двадцать восьмое.
Рад, что случилось со мною.
Звуки снаружи слышу,
свет белый скоро увижу.

Мама, всегда я с тобою!
Небо, оно голубое?
Первое ноября.
Мама убила меня.

Точность

Кровь, застывшая на ранах,
в небе рвётся птичий клин.
Протирая пыль в карманах,
ты заходишь в магазин.
Вид знакомой панорамы,
рана бешено зудит.
«Парень, сколько вешать в граммах?» –
добрый дядя говорит.
Будешь умирать заочно,
лишь останешься один.
Почему такая точность?
Просто это героин.

***

Когда устанешь плакать,
ты поймёшь,
что первый талый снег –
это отрыжка осени,
что кнопка REC
уже давно нажата.
Прижата к стенке,
дурака изображая,
кривые лица в лужах отражая,
болтается ноябрьская тишь.
Ты выбежишь на улицу и закричишь:
«Я слишком много вижу –
завяжите мне глаза!
Я слишком чутко слышу –
так заткните уши!
Я слишком рано понял,
что не против и не за!
Я слишком счастлив, люди,
плюньте же мне в душу!»
И все тебе в ответ заулыбаются,
к утру ты не оставишь и следов.
Протуберанцами опять харкается
больное солнце серых городов,
рисуя на обрывке фантика
из-под жевательных конфет
последние слова романтика:
«Меня здесь не было и нет...»